

УДК 793.3.071 Дункан А.
ББК 85.32
А65

Андреева, Юлия Игоревна.

А65 Айседора Дункан. Модерн на босу ногу / Юлия Андреева. – Москва : Алгоритм, 2016. – 416 с. – (Неповторимая).

ISBN 978-5-906880-12-3

Перед вами лучшая на сегодняшний день биография величайшей танцовщицы XX века. Книга о жизни и творчестве Айседоры Дункан, написанная Ю. Андреевой в 2013 году, получила несколько литературных премий и на долгое время стала основной темой для обсуждения среди знатоков искусства. Для этого издания автор существенно дополнила историю «жрицы танца», уделив особое внимание годам ее юности.

Ярчайшая из комет, посетивших землю на рубеже XIX – начала XX в., основательница танца модерн, самая эксцентричная женщина своего времени. Что сделало ее такой? Как ей удалось пережить смерть двоих детей? Как из скромной воспитанницы балетного училища она превратилась в гетеру, танцующую босиком в казино Чикаго? Ответы вы найдете на страницах биографии Айседоры Дункан, женщины, сказавшей однажды: «Только гений может стать достойным моего тела!» – и вскоре вышедшей замуж за Сергея Есенина.

**УДК 793.3.071 Дункан А.
ББК 85.32**

ISBN 978-5-906880-12-3

© Андреева Ю., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Мамаша Дункан и ее дети	8
Портовый городок	13
Дульси и взрослый мир	15
Мечты-мечты...	24
С помидорами и перцем	28
Богемия и богемцы	30
Айседора в театре	35
На вольных хлебах	40
Жизнь на грани	47
Лондон и его нравы	54
Лондонские будни	61
Париж и выставка	66
В поисках любви	71
Видение театра и сероглазый король	76
Пан и нимфа	82
Лои Фуллер и Сада-Якко	85
Последняя капля	92
Айседора и Ромео	95
Айседора и Марк Антоний	99
Мюнхен и его обитатели	103
Божественная Айседора	109
Паломничество в Грецию	112
Храм	116
Хор для Айседоры	123
В доме Вагнеров	131
Генрих Тоде	139
Козима Вагнер	142
Айседора и общественное мнение	150
Айседора и Геккель	152
Русский балет	156
Школа Дункан	170
Гордон Крэг	175

Дочка	180
Гордон Крэг и Элеонора Дузе	182
Айседора и карнавал мертвецов	191
Пим	196
Навстречу мечте	202
Московская жизнь	206
Пляшущая Америка	210
Снова в дорогу	214
Дункан в Париже	218
Лоэнгрин	221
Гордон Крэг и его символический театр	228
Ангел в куполе	239
Андре Капле	251
Вакханка	255
Д'Аннунцио — жрец любви	259
Трагично, как в водевиле	267
Два черных креста	272
Летучий голландец	279
Дети улетают...	285
Бегство	291
Анджело от Микеланджело и загадки Лоэнгриня	299
Война	307
Война продолжается	312
На круги своя	320
Танго разлуки	327
Встречи и расставания	334
Россия. Есенин	344
Свадебный переполох	360
Берлинские встречи	365
Мелькающие картинки	373
Америка	376
Перед закатом	390
Эпилог	399
Примечания	404

Айседора Дункан — это божественный
модерн на босу ногу.

О'Санчес

ОТ АВТОРА

Сан-Франциско, 1883 год. Класс в католической школе. Учительница просит учеников рассказать о своих родителях. О мамах говорили на прошлом уроке, сегодня очередь пап. У одного отец — пекарь, у другого — аптекарь, у третьего — солдат, в красивой форме и с самым настоящим ружьем. Рыженькая девочка на задней парте низко опускает голову, прятаясь за спинами одноклассников, в голове настойчивая мысль: «Хоть бы не вызвали, хоть бы не вызвали, а если вызовут, что делать? Соврать? Но мама выпорет за вранье, врать некрасиво, и отец Марк из церкви святого Августина учит, что ложь — это грех. Что же делать? Но сказать правду совсем скверно! Сказать правду нельзя. Вот бы провалиться сквозь землю, вот бы...»

Дело в том, что не далее как вчера в семейство Дункан забегала тетка Августа — мамина сестра, Дульси ей доверяет, потому что, как ни крути, они с тетей Августой Грей лучшие подруги. Именно с ней, с прекрасной, словно темная фея, Августой девочкой и хотела обсудить давно мучивший ее вопрос. Кто ее отец?

«Твой отец — черт, погубивший жизнь твоей матери», — немного помедлив, доверительным шепотом сообщила черноволосая красавица, так что Дульси чуть в обморок не рухнула. Это ж надо — всамделишной черт с рогами и копытами!

Ах, если бы Дульси не спрашивала тетю, не срывала запретного плода, теперь она могла бы лихо придумать себе любого отца. А тут... только начнешь воображать — отца-юриста, полицейского или даже жокея в красенькой курточке и лаковых сапожках, как перед глазами противная чертенькая морда с рыльцем вместо носа. Ну, что ты тут будешь делать?..

Мамаша Дункан и ее дети

Это было невероятно тяжелое время для мамы Доры¹ и ее детишек. Внезапное банкротство мужа, который мало того что разорил семью, так еще и твердо вознамерился развестись со своей беременной четвертым ребенком супругой. Постоянные ссоры с мужем, переживания за детей, страх что не сегодня-завтра ее с пузом и тремя держащимися за подол малышами выставят на улицу... и что тогда? И куда тогда? В прачки? в проститутки? Меж тем над Сан-Франциско бушевал не на шутку разыгравшийся экономический кризис 1876 года, заводы, фабрики, маленькие конторки и торговые предприятия разорялись и закрывались одно за другим, выбрасывая своих сотрудников на улицы. Дора истово молила бога, но тот, казалось, не слышал ее отчаянных призывов. А ведь еще совсем недавно они с Джозефом² жили если не душа в душу, то, по крайней мере, по-христиански. Она заботилась о нем и детишках, делала все, что только могла делать любящая жена и мать. А он... поэт и вертопрах не пропускал ни одной юбки, нередко возвращаясь домой пьяный и пахнущий дорогими духами. Ах, что это были за духи! А действительно — что за духи? У Доры Дункан никогда не было таких духов...

Что с него возьмешь — поэт, красавец... собственно, за стихи она его и полюбила. За стишки, что задорого не продашь, но без которых жизни нет. Дора знала наизусть все написанное любимым и непутевым супругом и часто, когда тот задерживался с друзьями допоздна, читала их детям.

И вот теперь он забрал свои вещи и ушел навсегда, а Дора может только плакать и играть на пианино. Не готовит, не стирает, пол неделями не метен, дети неизвестно где бегают, а неродившийся еще малыш толкается и пинается, точно в футбол играет. Дора — опытная в таких делах, отлично знает, как ведут себя в утробе правильные дети. Этот же... да и с чего ребенку родиться нормальным, когда вокруг все рушится и летит в тартары?

Родители Айседоры Дункан: Джозеф Чарльз Дункан и Мэри Дора Грэй Дункан.

«Характер ребенка определен уже в утробе матери. Перед моим рождением мать переживала трагедию. Она ничего не могла есть, кроме устриц, которые запивала ледяным шампанским. Если меня спрашивают, когда я начала танцевать, я отвечаю — в утробе матери. Возможно, из за устриц и шампанского».

(Айседора Дункан)

«Я рожу чудовище, — шепчет себе под нос Дора, наливая полный бокал контрабандного шампанского из заначки мужа. — Ребенок, который родиться, просто не может быть нормальным!»

«Перед моим рождением моя мать, находясь в очень трагическом положении, испытывала сильнейшие душевные потрясения. Она не могла питаться ничем, кроме замороженных устриц и ледяного шампанского. На вопрос о том, когда я начала танцевать, я отвечаю: “Во чреве матери, вероятно, под влиянием пищи Афродиты — устриц и шампанского”», — пишет в своей книге Айседора Дункан. Красивый пассаж и ничего больше, действительно на берегу моря, устрицы стоили недорого, особенно если покупать их у пиратов-устричников, которые обирали сети честных рыбаков, а затем за гроши сбывали весь награбленный товар в ближайшем порту, но вот на счет ледяного шампанского?.. вряд ли семья, в которой не на что было купить хлеб, могла позволить себе слишком часто подобную статью расходов. Впрочем... красиво — устрицы и шампанское..

27 мая 1877 года Дора Дункан разрешилась от бремени, произведя на свет девочку, которая тут же начала бешено двигать ручками и ножками... так что и у акушерки, и у мамы не осталось ни малейшего сомнения относительно безумия новорожденной. Тем не менее сумасшедший ребенок или совершенно нормальный, его следовало растить и поднимать. Узнав, что у него родилась дочь, Джозеф Дункан снизошел до посещения оставленного им семейства: потренировал за щеку бывшую супругу, сложив из пальцев рожки, и прочитал дочурке «Идет коза рогатая». На чем посчитал свою отцовскую миссию исчерпанной и поспешил откланяться, сообщив напоследок, что новорожденная напоминает ему очаровательного мопсика госпожи Айны Кулюрит, поэтессы из Калифорнии и его нынешней любовницы. И в припадке вдохновения предложил именовать дома малышку не иначе как «Принцесса мопсик».

Вот такая трогательная отеческая забота. Впрочем, возможно, именно в этот момент чаша терпения несчастной Доры переполнилась, и она перестала плакать, молиться и поглощать устрицы, наблюдая, как окружающий мир погружается в хаос. Теперь она снова жила назло предателю Джозефу, чье имя с этого момента будет запрещено произносить дома, жила ради своих детей, которых она поклялась поднять на ноги и сделать людьми, чего бы ей это ни стоило!

И первое, от чего отказалась отчаянная Дора, была церковь. До развода госпожа Дункан считала себя истинной католичкой, которая постилась, молилась, водила детей на причастия и мессы... Потом, когда муж, ради которого она могла пожертвовать всем на свете, бросил ее и детей, разрушив хрупкую идиллию, а бог не внял молитвам... Оставшись без супруга и без Бога, Дора вдруг на удивление самой себе спокойно вздохнула и принялась прибирать запущенный за последние недели дом.

Теперь не нужно было тратить время на церковь, она не запрещала детям посещать службу, признавая за ними право выбора, но и не водила за ручку, как это делали соседки. Если раньше Дора одевалась и причесывалась безукоризненно, опасаясь колких взглядов и осуждений, теперь ей было плевать на то, как и во что она одета. Когда дети спрашивали, почему она не носит украшений, мама объясняла им, что, надев на руки браслеты и на шею бусы, обувшись в туфли на высоких каблуках, она не смогла бы играть с ними или купаться, так как все время думала бы об этих вещах, опасаясь их повредить или потерять. По этой же причине дети одевались в то, что время от времени приносили им их многочисленные тетушки и сердобольные соседки. Старые, поношенные вещи дают свободу делать то, что хочешь, новые и дорогие — сковывают, навязывая собственные правила, и приводят к неестественности и потере свободы.

Днем мама вязала на продажу шапочки, пинетки, шарфики и воротнички, а потом несла в лавку продавать. По вечерам играла детям музыкальные произведения Бетховена, Шумана, Шуберта, Моцарта или Шопена, читала вслух Шекспира, Шелли, Китса и Бернса, так как считала это единственным правильным способом дать детям образование.

Подражая экзальтированному поведению родительницы, малыши разучивали малопонятные им самим стихи, выступая вместе с нею в домашних импровизированных концертах, когда к ним в гости наведывались знакомые. Сидя в своей кроватке, рыженькая Дора Энджела Дункан, или Дульси, как ласково называли девочку в семье, забавно двигала ручками под музыку, точно дирижируя маме. Свои первые шажки она делала, пританцовывая и словно бы упиваясь открывшейся ей возможностью движения. Дульси танцевала абсолютно под любую музыку и даже под чтение стихов, в которых она находила подобие танцевального ритма. Поставив малышку на стол, вся семья весело хохотала, наблюдая ее забавные пляски.

Когда Дульси исполнилось пять лет, Доре пришлось отдать ее в школу, соврав, будто девочке шесть с половиной. Крупная, здоровенькая малышка внешне мало отличалась от своих одноклассников, так что никто ни о чем не догадался, а у Доры немного развязались руки, в то время она подрабатывала аккомпаниатором, или давала уроки музыки в богатых домах, куда таскать младшенькую было не всегда удобно.

После школы ватага Дункан была предоставлена самой себе, никто не следил, где они носятся, с кем дружат, о, если бы они еще и находили, где и чем питаться... но, к сожалению, матери по-прежнему приходилось лезть из кожи вон, зарабатывая на жизнь.

«Если ты и дальше не станешь следить за своими детьми, они свяжутся с дурной компанией и пропадут, — пытались наставить Дору на истинный путь соседки. — Пока ты бегаешь по урокам, а твой муженек шляется неизвестно где, твои пострелята попадут на страницы “Кроникл”, прямиком в колонку происшествий. Поговори со святым отцом, и, может, он встретится с Джозефом».

Когда заканчивались деньги и, по словам самой Айседоры, следующая трапеза могла быть приготовлена разве что из воздуха, семья снаряжала маленькую Дульси в поход к мяснику или булочнику. Там девочка клянчила, плакала и уговаривала торговцев до тех пор, пока ей не выдавали мясные обрезки или черствый хлеб, лишь бы та убралась.

Именно благодаря такой полунищенской жизни, как считала сама танцовщица, в результате она научилась ставить условия, требовать и получать свое от директоров театров и антрепренеров, с которыми ей приходилось иметь дело.

Однажды в канун очередного Рождества, когда детки вспоминают прошедший год, гадая, достаточно ли хорошими они были и заслужили или нет дорогие подарки от Санта-Клауса, мама не нашла ничего лучшего, чем раскрыть детям глаза на природу зимнего деда: «Мать мне сказала, что слишком бедна, чтобы быть Дедом Морозом; только богатые матери могут изображать Деда Мороза и делать подарки».

Получив, таким образом, исчерпывающую информацию о творимом вокруг обмане, маленькая Дульси решила выступить с опровержением перед классом, заявив во всеулышание, что никакого Санты не существует и все подарки делают детям взрослые! Учительница попыталась поставить смутьянку в угол, но та сопротивлялась, выкрикивая лозунги, призывая покончить с враньем и признать правду, какой бы горькой та не оказалась.

Портовый городок

Живя на съемных квартирах, семейство Дункан не покупало никакой мебели и вообще старалось иметь при себе как можно меньше личных вещей. Это было обязательным условием, благодаря которому можно было незаметно сбежать от квартирных хозяев, не заплатив за жилье. Обычно это делалось так: мама собирала пожитки в узел и уходила в заранее присмотренный дом, сказав хозяйке или соседям, что несет вязаные изделия на продажу. Остальные вещи дети должны были как-то вынести на себе.

Однажды в школе учительница попросила, чтобы ученики написали сочинение на тему «Моя жизнь». У Айседоры вышло следующее: «Когда мне было пять лет, у нас был домик на 23-й улице. Мы не могли там оставаться, так как не заплатили за квартиру, и переехали на 17-ю улицу. У нас было мало денег, и вскоре хозяин запротестовал, поэтому мы переехали на 22-ю улицу, где нам не позволили мирно жить, и мы переехали на 10-ю улицу». Далее рассказ продолжался в том же духе, так что слушавшие сочинение мисс Дункан дети начали хихикать, а учительница решила, что малолетняя нахалка попросту издевается над ней, и вызвала в школу маму. Каково же было ей, когда Дора разрыдалась над рассказом дочери, подтверждая, что все написанное — чистейшая правда.

Приходилось экономить буквально на каждом центе, к примеру сумма, выделяемая на хлеб и молоко на неделю, составляла 10 центов на одного человека, кроме того, живущий по соседству доктор рекомендовал Доре не скупиться и непременно приобретать лимоны, в которых есть все необходимые для жизни и здоровья детей витамины. На лимоны уходило 5 центов в неделю на одного человека, на себе Дора могла и сэкономить. Тем более что за квартиру по договоренности с хозяйкой уходили аж 10 долларов за месяц. А ведь еще непременно следовало купить керосину для ламп, по вечерам семья предпочитала читать и музицировать. Дети росли и не могли питаться одним только молоком, поэтому, вздыхая, мама отправлялась на базар, откуда возвращалась с самой дешевой едой из того, что вообще можно было отыскать в порту, в ее корзинке лежали устрицы, орехи, зелень и пончики, в которых вся семья души не чаяла. Пончики стоили мелочь, но ведь и Дунканы не самая маленькая в городе семейка, а как за стол садятся, так все съедобное подчистую метут.

Соседки давно уже пеняли Доре, что ее чада одеваются во что придется и зачастую их можно спутать с беспризорниками, да она и сама не слепая, только где же взять лишних 50 центов в месяц на стирку? Ей одной не осилить такую прорву домашней работы, когда еще и деньги как-то заработать надо.

Предоставленные самим себе, дети бегали в порт, смотреть, как мимо с непревзойденной важностью шествуют краснотрубные буксиры, за которыми вяло тянулись барки с мешками сахара. Вечером рыбацкие шхуны поднимали разноцветные паруса и устремлялись в неведомые дали, туда, где острый бриз рябил фарватер и небо все еще помнило, где нашло себе пристанище уставшее за день солнце.

Иногда в порту они встречали старого китайца, торговавшего на улице Валенсии, который, по его же собственному рассказу, приехал в Америку сорок лет назад и все это время ждал жену и детей, которым через год выслал деньги на билеты. Но те, скорее всего, погибли вместе с везущим их пароходом. Китаец не скрывал, что денег не могло хватить на пассажирский рейс, соответственно, его семья должна была добираться на грузовом судне или вместе с кем-то из его соотечественников на маленьких джонках. Он не мог знать, какой вид водного транспорта избрали сорок лет назад его родные, но каждый вечер приходил на берег в надежде услышать хоть что-нибудь о них. В память о своих детях: двух мальчиках и двух девочках — старик приносил ребятам леденцы и тянучки. Из простого куска бумаги он мастерил веера для Лизы и Дульси, а ребятам как-то изготовил одну на двоих рогатку. Ох, и влетело же им от Доры за это оружие!

Да и вообще, что делать детям в порту, если они не подрабатывают и не состоят в яхт-клубе? На греческих браконьеров — ловцов семги, или китайских — тех, что охотились за креветками, нарушая законы о рыбной ловле, любоваться? На их пьяные кутежи в портовых тавернах, на поножовщину или стрельбу — неминуемые спутники раздела территорий — глазеть? Правда, самые удачливые из бывших браконьеров получали приглашение властей встать на сторону закона, переключившись с ловли рыбы на ловлю бывших товарищей. Работа была интересная, хотя и опасная, а оплата — половина денег, полученных в качестве штрафа с нарушителя. При удаче можно сколотить себе приличное состояние. Самые фартовые умудрялись задержаться на этой работенке и год, и два... неудачливые заканчивали жизнь с пробитой башкой или ножом в спине. Впрочем, мужская работа, романтика... Все пира-

ты были прекрасно вооружены, и брать их приходилось самым настоящим абордажем.

Понимая, что в порту хоть и можно разжиться действительно дешевыми продуктами, но детям там решительно нечего делать, Дора старалась снимать комнаты как можно дальше от опасного места и соседства с моряками, так как те во все времена имели неистребимую склонность напиваться и буянить.

Дульси и взрослый мир

Когда Дульси исполнилось шесть лет, то есть она была во втором классе, пришедшая домой раньше обычного мама застала на полу своей комнаты соседских ребятишек, которые еще и ходить-то толком не могли. Надев юбку сестры (в то время Лиза уже жила у бабушки) и подвязав волосы, Дульси делала странные движения руками, которые малыши пытались повторять за ней. Заметив мать, девочка объяснила, что уже час как открыла собственную школу танцев и это ее ученики. Дора тут же села за пианино и начала аккомпанировать импровизированному уроку.

Казалось бы, игра — но с того дня соседки повадились оставлять малышей вернувшейся из школы Дульси, платя ей за это какие-то деньги или принося угощения. Все заработанные средства младшая Дункан отдавала матери.

В семь лет наша героиня неожиданно познакомилась с собственным отцом, который разыскал оставленную им семью в ее непрерывных странствиях. Встреча получилась бурная: мама побледнела и заперлась в спальне, со старшим братом Августом случилась истерика, Раймонд мог только тарашиться и махать руками. Весьма удивленная произошедшим, девочка вернулась к ожидающему на лестнице папе, который не удивился и не обиделся тому, что его не желают видеть, а взял дочку за руку, повел ее в кондитерскую, где впервые в жизни она лакомилась дорогими пирожными и мороженым, мечтая сразу же по возвращении домой убедить семью присоединиться на следующий день к их пиру. «Папа обещал!» Бедная Дульси, да, она могла смягчить сердце злой на мужа Доры, уговорить братьев, но... ни на следующий день, ни через неделю папа не появился, и она напрасно прождала его, мечтая еще хотя бы раз пройтись по улице рядом с родным отцом. Впрочем, жизнерадостная Дульси не обиделась на своего непутевого папу, который, назначив ей встречу, немедленно уехал в

Лос-Анджелес, где у Джозефа Дункан была новая семья, жена и, возможно, дети...

За четыре года работы класс мисс Дункан заметно увеличился, детей к ней теперь приводили не только соседские мамочки, черные толстые кормилицы и строгие воспитательницы вели за ручки и везли в колясках разодетых крошек, дабы те посещали модные уроки. Переодев малышей для урока танцев, мамки и няньки отправлялись дышать воздухом в парке или болтали на скамеечке перед домом. Кроме того, Дульси, или теперь уже Айседору, начали приглашать вести уроки танцев в богатые дома. Так что девочке вдруг стало некогда учиться, о чем она и заявила матери.

— Какой смысл тратить время на школу, когда я уже неплохо зарабатываю? — Впрошала десятилетняя дочь и сама же отвечала на свой вопрос: — Решительно никакого. В школе я только теряю время. Уверена, что мне не понадобится девяносто процентов из того, что там преподают, что же до книг, то я всегда смогу брать их в библиотеке. Кроме того, школа реально мешает моей работе.

Будет ее младшая дочь получать образование или нет, Доре было плевать, но ее убежденность и целенаправленность завораживали. Резкая, решительная с отменной фантазией, с каждым днем Дульси все больше и больше походила на своего отца, авантюриста и поэта. На человека, которого Дора упорно пыталась выкинуть из головы, но которого продолжала боготворить.

Однажды, когда Айседора еще училась во втором классе, желая утихомирить иногда весьма резкую своевольную девочку, кто-то из школьного начальства рассказал ей об исправительных заведениях, в одно из которых мисс Дункан рискует попасть, если не исправит своего в высшей степени предосудительного поведения. Внимательно выслушав, что ее ждет в означенном месте, Дульси могла только горько рассмеяться: «А в каком заведении, по-вашему, учусь я? Ведь наша школа делает все возможное, чтобы исправить и убить все то прекрасное, чему я научилась дома!»

Оставив школу, три года Айседора Дункан работала с классом у себя дома и бегала на частные уроки. Все деньги уходили на семью, и лишь небольшая их часть была, в конце концов, выделена ей на покупку длинной юбки. Теперь Дульси делала высокую прическу, кроме того, она была рослая, намного выше своих сверстниц, так что никто из учеников и их родителей не мог определить истинный возраст юной учительницы танцев. Когда же мисс Дункан начинала торговать-

Айседора Дункан. 1880 г.

ся, ее глаза приобретали фиолетовый оттенок моря в бурю и метали молнии, а рыжие ирландские волосы горели, словно маленький факел, — кто бы мог подумать, что так смеет вести себя тринадцатилетняя девочка?!

Меж тем, переехав в очередной раз, семья осела в Окленде, в двадцати минутах танца от публичной библиотеки, куда частенько забегала Айседора. Читала она все подряд, просто радуясь любой новой истории, не важно, о чем она. А чего не радоваться, когда все они заканчивались свадьбой с последующим неземным счастьем. Как и все девочки, Айседора грезила о «долго и счастливо», представляя себя в роли любимых героинь. Впрочем, несколько раз ей попадались книги, в которых любовь отнюдь не выходила победительницей и дети не были желанными, а отчего-то назывались «позором семьи», о девушках, отдавших нежной страсти и пострадавших от этой своей слабости. Поражало, что в таких историях общество однозначно порицало женщину, на которую сразу же сваливались все горести. Об этом следовало подумать.

Одним из любимейших развлечений жителей Окленда был театр «Тиволи», в котором показывали комедии. Билет стоил недорого, театральный зал был оборудован на манер недорогой пивной, то есть там стояли широкие деревянные столы, и зрители были обязаны, кроме входного билета, заказывать себе сэндвичи с пивом. Особыми театрами среди жителей славного Окленда слыли чадолюбивые отцы семейств, которые по выходным брали своих малышей в театр, где дети либо ползали под столами, играя друг с дружкой, либо, если они все же желали увидеть представление, за которые их папаши выложили свои трудовые деньги, считалось незазорным усадить малышей прямо на стол среди пивных луж, крошек и мисок, вручив им по свежему сэндвичу. От такого времяпрепровождения дети были в восторге, а если владелец театра или кто-то из «служителей Мельпомены» и начинал ворчать о нецелесообразности приводить в театр непьющих зрителей, отцы семейств мужественно брали питейную повинность на себя. Так что в конечном итоге все были довольны.

Заглянув раз в оклендский театр, Дора запретила своим детям бывать там, так что им из всех бесплатных развлечений осталась единственная в этом милом местечке библиотека.

Старалась, по возможности, выбирать для юной Дункан самые интересные книжки, заведующая библиотекой — известная поэтесса Айна Донна Кулбрит. Неудивительно, Айседора была так похожа на своего отца... Кто знает, быть может,